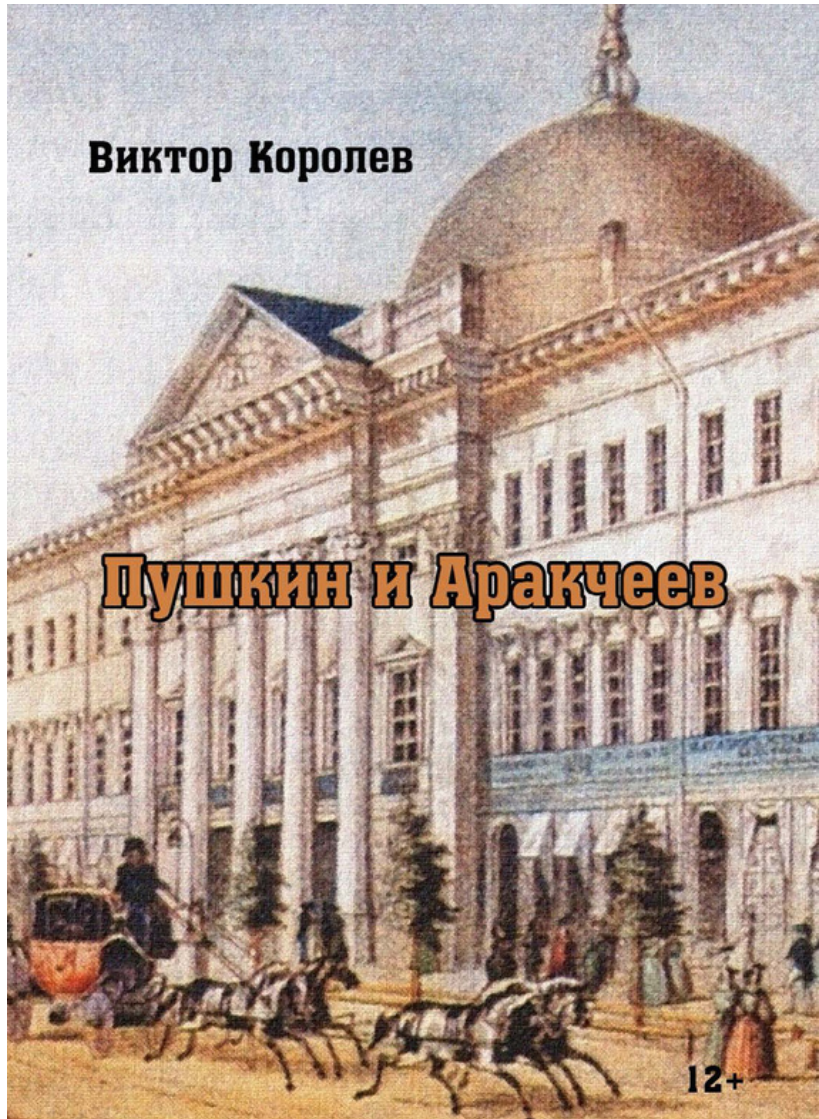

Виктор Королев

Пушкин и Аракчеев

12+

Виктор Владимирович Королев

Пушкин и Аркачев

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29057821
Пушкин и Аркачев: Союз писателей; Новокузнецк; 2017
ISBN 978-5-00073-636-4*

Аннотация

По восшествии на престол император Павел Первый пожаловал начальнику своей свиты две тысячи душ с правом выбора губернии. Генерал попросил любое имение, лишь бы поближе к родительским местам – в Бежецкой волости. Павел I самолично выбрал для своего фаворита Грузино – бывшую вотчину князя Меньшикова...

Содержание

Другой властитель наших дум	5
Не требуй от меня опасных откровений	7
Но это зеркало мне льстит	12
Презреть бы твое предсказанье	15
Нас возвышающий обман	18
И в Летний сад гулять водил	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Виктор Королев

Пушкин и Аракчеев

©Королев В.В., 2017

© Издательство «Союз писателей», 2017

* * *

Другой властитель наших дум

По восшествии на престол император Павел Первый пожаловал начальнику своей свиты две тысячи душ с правом выбора губернии. Генерал попросил любое имение, лишь бы поближе к родительским местам – в Бежецкой волости. Павел I самолично выбрал для своего фаворита Грузино – бывшую вотчину князя Меншикова.

...Во второй половине мая 1799 года в Грузино появился дорогой экипаж. Всё село выбежало встречать своего нового хозяина. Те, кому положено, уже знали, что две недели назад Павел Первый высочайшим указом пожаловал начальнику своей свиты графский титул. Император собственной рукой начертал на гербе 30-летнего графа девиз – «Без лести предан». И эти слова теперь красовались на щите, что держали два гренадёра.

Не было никакого торжества, не стреляли пушки, как они потом будут стрелять всегда, когда граф станет приезжать в Грузино или отбывать отсюда по неотложным делам в Петербург. Не было гвардейского эскорта, который всегда будет сопровождать карету графа, когда он станет военным министром. Сейчас он молча вышел из экипажа, окинул всех беглым взглядом и, глядя прямо перед собой, прошел в дом.

Был он высокого роста, сухощавый, глаза имел суровые, блеска огненного. Одного его взгляда оказалось достаточно,

чтобы люди расступились перед ним, образуя широкий коридор до самого крыльца. Спутникам графа было указано, что комнаты для приезжих готовы во флигелях, а сам праздничный обед назначен на 27 мая, в шесть пополудни.

И через день вправду светились все окна в большом господском доме, челядь носилась по двору. Но не было ни шумной музыки, ни танцев. Застолье было скромным, почти без вина. Никто не произносил льстивых тостов за нового хозяина имения – графа Алексея Андреевича Аракчеева.

Так что день тот запомнился спокойным, тихим и тёплым...

В тот же день в метрической книге московской церкви Богоявления, что в Елохове, записано: «Во дворе коллежского регистратора Скворцова у жильца его Сергея Львовича Пушкина родился сын Александр...»

У великого поэта Пушкина и графа Аракчеева была разница в возрасте ровно 30 лет. Они никогда не встречались друг с другом...

Не требуй от меня опасных откровений

Почему вдруг я взялся писать о Пушкине и Аракчееве? Что вообще может объединять гениального камер-юнкера с бездарным графом? «Пушкин и Аракчеев» – тему эту часто берут учащиеся гуманитарных колледжей, и все друг у друга переписывают одну и ту же пушкинскую эпиграмму:

*«Всей России притеснитель,
Губернаторов мучитель
И Совета он учитель,
А царю он – друг и брат.
Полон злобы, полон мести,
Без ума, без чувств, без чести,
Кто он? Преданный без лести...»*

Последнюю строчку чаще всего отбрасывали – то ли стесняясь повторить известного матерщинника Пушкина, то ли не понимая, причём здесь это вообще. И ты «не требуй от меня опасных откровений» – всему своё время. Потом убедись, что Пушкин прав был: всех притеснял «губернаторов мучитель и друг царю», а перед дешёвой девкой он робел...

Обвиненный Пушкиным в «крайней узости ума», Арак-

чеев так и остался в веках «душителем свободы». А Пушкин – «нашим русским всё». Один плохой, другой хороший, один серый, другой белый... Ах, как распевно и мягко, как рифмованно звучит: «Пуш-кии-нии-аанааа». И как сутуло и жестко, словно старческий кашель: «аракчеевщина». Причем одно с прописной буквы, а другое – со строчной, поменьше. Но вот вопрос: а не заставляли ли нас со школьной скамьи думать об одном лучше, чем он есть, а о другом – не думать вовсе?

«Они любить умеют только мертвых». Мы с мамой вспомнили эту пушкинскую строчку у могилы Василия Львовича, дяди поэта. Того самого, который привез в лицей и, собственно, сделал маленького Сашу великим поэтом – своими связями, своими стихами, своей любовью к племяннику. Стояли у его могилы на Донском кладбище и удивлялись, что никому не нужен этот забытый холмик. Вон рядом Чаадаев лежит под чёрным мрамором весь в цветах, и посетителей полно, а тут – полуразвалившийся бетонный цилиндрик с едва заметными буквами – и никого, кроме нас.

Зная мамину любовь ко всему, что так или иначе связано с Пушкиным, я как-то пообещал ей, что напишу об Аракчеве. О нём и о Пушкине. Почему в таком соседстве? Потому что стоит у меня на книжной полке томик «Сына Отечества» за 1820 год. В прекрасном кожаном переплете, с золотым тиснением. На обороте форзаца – владельческая запись выцветшими чернилами: «Из личной библиотеки графа А.

А. Аракчеева». И экслибрис – два гренадёра герб держат, на котором начертаны слова «Без лести предан».

В этом томике «Сына Отечества» напечатана элегия «Погасло дневное светило» – одна из первых журнальных публикаций великого поэта, ещё без подписи. Вечно гонимый Пушкин был тогда в южной ссылке. А граф Аракчеев выписывал в свою деревню Грузино лучшие журналы, читал и прозу, и поэзию, собственноручно надписывал книги, нумеруя их.

В доме-музее Пушкина на Набережной Мойки, 12 – нет такого журнала. Там муляж на книжной полке стоит, я специально спрашивал у экскурсовода. А как попал ко мне этот томик? Могу с чистой совестью заявить: книга эта совсем не нужна оказалась прежнему хозяину. Да и не было, думаю, настоящего хозяина у этой реликвии.

Граф Аракчеев не оставил наследников. После его смерти в 1834 году император Николай I своим указом повелел: «Грузинскую волость отдать навсегда в полное и нераздельное владение Новгородскому кадетскому корпусу, дабы доходы ее шли на воспитание юношей». Новгородскому гр. Аракчеева кадетскому корпусу (так он стал именоваться) передавалось и всё движимое имущество покойного, в том числе библиотека (более 10 тысяч томов) и редкие вещи – медали, портреты, рескрипты императоров Павла I и Александра Павловича.

После графа остался обширный архив, насчитывавший

тысячи единиц хранения общим объемом около 50000 листов. Часть бумаг была распределена по различным министерствам и ведомствам, остальная отправлена Николаю I, который распорядился уничтожить всё, касающееся императорского дома. Таким образом, наиболее интересная часть огромного архива погибла. На сегодняшний день имеется несколько фондов, в которых сосредоточены документы, связанные с жизнью графа А. А. Аракчеева.

Графская библиотека тоже оказалась раздробленной. Часть оказалась в Новгородской и Псковской губерниях, часть попала в Санкт-Петербург и Москву. Что-то погибло во время революций, что-то разошлось по разным архивам необъятной нашей родины и надолго осело в библиотечных подвалах, где обычно хранят свое богатство отделы редких книг.

Лет двадцать назад в одной из таких провинциальных библиотек прорвало ночью трубы. Все книги в подвалах были залиты водой. Их пытались спасти, выбрасывая прямо на снег через окошки.

Но оказалось, что эти горы книг никому и не нужны вовсе. Утром пришел бульдозер и сгреб всё в кузова самосвалов. Вот так часть графской библиотеки оказались на городской свалке – никакого криминала, никаких «опасных откровений».

Кстати, библиотека та находилась на улице Пушкина. Но это просто совпадение, не более того.

А вот то, что названия всех глав моего «художественно-исторического исследования» взяты из Пушкина, – не случайность, это вы понимаете.

Но это зеркало мне льстит

Как ни странно, портретные описания поэта Пушкина и «душителя свобод» Аракчеева удивительно похожи. Мне нравится анекдот, как Чарльз Дарвин приехал в Царское Село читать свои лекции о происхождении видов. Увидав юного Пушкина, Дарвин воскликнул:

– О, вот оно, наглядное доказательство справедливости моей теории! Эта особь ещё не до конца произошла от обезьяны, хотя прогресс уже налицо!

Так сказать, «заметил и, в гроб сходя, благословил». Пушкин, кстати, ничуть не обиделся: он и тогда знал, что именно он и есть та самая обезьяна, от которой произошёл русский народ. Потому что Пушкин – это наше всё.

Что великий поэт был похож на обезьяну – это не я придумал. Перечитайте его ранние стихи, архивные свидетельства, благо они опубликованы массовыми тиражами.

Практически всё, что касается жизни Пушкина, уже напечатано. Хотя двадцать лет назад подобных книг просто не было по умолчанию. А теперь говорится во всех изданиях: лицом чёрен, родом из Эритреи, то бишь Эфиопии. Очень талантливая, очень приятная во всех отношениях, и потому очень даже симпатичная обезьяна – как на взгляд женщин любого поведения, так и самых суровых исследователей.

Аракчеева современники описывали тоже приматно. «По

наружности Аракчеев походил на большую обезьяну в мундире», – так точно и прямо писали о нем многие исследователи.

Естественно, писали после смерти графа – при жизни никто бы не осмелился. Про него также писали, что он был высокого роста, худощав и мускулист, с виду сутуловат, с длинной тонкой шеей, по которой можно было бы «изучать анатомию жил и мускулов».

Он как-то особенно морщил подбородок, двигая им словно в судорогах. Уши у него были большие, мясистые. Толстая безобразная голова, всегда несколько склоненная набок. Цвет лица был у графа земляной, щеки впалые, нос широкий и угловатый, ноздри вздутые, рот большой, лоб нависший.

Глаза у него были тоже впалые, серые, хотя взгляд казался «огневым». «Физиономия его представляла страшную смесь ума и злости», – это я снова цитирую одного из тех, кто после его смерти с удовольствием пинал всесильного царедворца только за то, что тот был всесильным.

Аракчеев долго носил камзол старого покроя, и волосы его были подобраны в небольшой пучок на затылке. В начале 1800-х годов камзол был вытеснен из дворянского обихода жилетом. Пучок или коса, на ношении которых настаивал Павел I, в 1803 году стали редкостью: мужчины стриглись, завивали волосы. Аракчеев тоже стал носить короткую причёску, но в целом остался верен моде эпохи Павла Петрови-

ча.

Холодный, пронизательный его взгляд и строгое выражение лица не смягчались сардонической улыбкой, которая появлялась порой у него на губах. Он говорил медленно, немного в нос, хотя совершенно не дружил с французским языком. Он казался чем-то постоянно озабоченным.

Но упаси вас Господь спросить его, чем это он так озабочен. Несдобровать вам, не поймет всемогущий царедворец, о чём можно ликовать, когда кругом в стране творится такое, когда не угадаешь, что будет завтра...

Презреть бы твое предсказанье

Зимой 1817–1818 годов в Санкт-Петербург приехала известная гадалка, немка Кирхгоф. К ней ездили все узнавать будущее. Очередь дошла и до Пушкина. Немка разложила карты и, коверкая русский язык, рассказала всю судьбу поэта. Во-первых, он скоро получит деньги, и ему будет сделано неожиданное предложение. Ещё он прославится и будет кумиром соотечественников, хотя дважды подвергнется ссылке. Наконец, в-третьих, он проживёт долго, если на 37-м году не случится с ним никакой беды от белой лошади, белой головы иль белого человека, которых он и должен пуще всего опасаться.

Первое предсказание о деньгах сбылось в тот же вечер. Пушкин, придя домой, нашел совершенно неожиданное письмо от лицейского товарища, который возвращал карточный долг, давно забытый поэтом. Такое быстрое исполнение первого предсказания немало поразило Александра Сергеевича. А несколько дней спустя князь Орлов неожиданно предложил ему пойти на службу в конную гвардию. Именно после этого, по признанию самого Пушкина, он и вспомнил о немецкой гадалке: «Теперь осталось сбыться лишь третьему предсказанию».

В книге «Портреты заговорили» Н. Раевский пишет, что чувство Пушкина к Наталье Николаевне за долгие месяцы

сватовства несколько поостыло. Ряд надежных свидетельств говорит о том, что под венец он шёл неохотно, почти по обязанности. Более того, извещая Вяземских о своей свадьбе, поэт признается, что сердце его остается несчастливым. Что это? Предчувствие?

Как известно, Пушкин венчался «в приходе невесты у Большого Вознесения». Во время венчания, когда молодые шли кругом, нечаянно упали с аналая крест и евангелие. Пушкин побледнел, словно мел. Потом у него потухла свечка. «Всё плохие приметы», – сказал он. Перед собой он видел только лицо Натали, закрытое белой фатой. Со звоном покатилося кольцо по полу...

«От белой лошади, белой головы иль белого человека». Так, может, причина роковая будет не одна, а целых три разных? И значит, его судьба предрешена? Ведь именно так, «решением судьбы» он назвал свою женитьбу на Наталье Гончаровой. Выходит, не обманула гадалка десять лет назад?

Вернемся немного назад. В 1828 году Пушкин делает предложение Екатерине Ушаковой, и та соглашается выйти за него замуж. Но происходит непредвиденное.

Перед свадьбой поэт идет к известной московской «гадальщице», которая предсказывает, что «он умрет от своей жены». Чем дело кончилось со сватовством – известно. Ушакова отказала ему. А спустя три года она писала о Натали Гончаровой: «Вижу в ней чистилище немалых бед».

И Екатерина Ушакова, и Долли Фикельмон, которую за

дар предвиденья называли Сивиллой Флорентийской, сразу увидели в Наталье Гончаровой причину будущего несчастья для поэта. Понял это в момент венчания и Александр Пушкин.

«Плохие приметы» начали отсчет исполнения последнего из трех предсказаний немецкой гадалки Кирхгоф.

Конец его отныне становился всё ближе...

Нас возвышающий обман

Аракчееву в юности тоже гадала цыганка. Он еще числился в кадетях, но скоро должен был получить первый офицерский чин, такой же, как у папаша, – поручик. И раскинула гадалка карты, и сказала то, что никогда никому не говорила, да и он ни от кого такого не слышал никогда: «Красавец ты мой сладкий, а ты ведь почти царём будешь – карты не врут...»

Не обманула цыганка. Простой кадет возвысился до «и. о. императора». И в жизни Аракчеева будет немало поистине фатальных эпизодов, которые вполне могли изменить ход российской истории и «нашего русского всё».

В первый раз это случилось при Павле I. В канун переворота император, почувствовав измену, вспомнил об опальном Аракчееве и вызвал его из Грузино в столицу, намереваясь вновь призвать на службу.

Если бы Аракчеев оказался в столице, заговор против императора не имел бы никаких шансов. Но военный губернатор Петербурга, один из организаторов покушения, граф Пален приказал задержать Аракчеева на заставах, и тот не попал во дворец. «Не случись этого, Павел Первый и поныне сидел бы на престоле», – писал Н. И. Греч, издатель журнала «Сын Отечества».

Второй фатальный случай произошел в конце лета 1825

года. Аракчеев жил безвылазно в своем имении, когда Александру I поступил донос на тайное общество, готовящее государственный переворот. Царь немедленно поручил Аракчееву возглавить весь розыск и арестовать участников заговора. Унтер-офицер Иван Шервуд, предавший будущих декабристов, отправился с докладом к нему в Грузино. Аракчеев мигом придумал, как взять главных заговорщиков с поличным. Но его плану не суждено было свершиться: случилась трагедия, и граф тяжело заболел. Без него ничего не делалось, никто не был арестован. А потом Александр I умер, и декабристы вышли на площадь. Случилось бы иначе – и никто не разбудил бы Герцена...

Удивительно, но даже в этих двух эпизодах выявилась та роль, которую Бог уготовил Аракчееву и с которой он справлялся совершенно блестяще. Вся свою жизнь он был ревностным слугой престола, умным и деятельным проводником царских чаяний, но никогда – самостоятельным политиком, вершителем судеб. На перекрёстках истории перед великими людьми открываются бездны, но, верные себе, они спокойно перешагивают их и идут предначертанным свыше путём. От одного их слова зависят порой сотни судеб. И слово это бывает произнесено, и жизнь другого человека складывается совсем по-иному.

Так, трижды Аракчеев, порой и сам того не ведая, спасал Пушкина от верной ссылки в Сибирь или даже виселицы. Первый раз в 1818 году, второй – спустя два года, третий –

в том самом 1825-м. Это не ушастый заяц перебежал дорогу поэту. Это ангел-хранитель ненароком сделал всё так, чтобы великий поэт остался в далёкой псковской деревне, как и сам граф остался в своём новгородском имении. И оба просидели одиноко всю ночь, глядя на пламя догорающих свечей и проклиная свою судьбу: «Черт догадал меня родиться в России с душой и талантом...»

Они никогда не встретятся, но всегда будут идти по жизни рядом.

И в Летний сад гулять водил

То, что окружает ребёнка в первые годы его жизни, чаще всего остается в нём навсегда. В его характере, способностях, в предначертанной свыше судьбе. Ребёнок может растратить полученное в отрочестве, может не прислушаться к тому, что было, и забыть своих нянек со всеми их сказками.

А может всю жизнь носить их в душе и помнить – «что за прелесть эти сказки!» И развивать, и придумывать свои, и рассказывать их на сон грядущий своим уже детям...

У Пушкина и Аракчеева детство было разное. Какое у Пушкина – знают все. И как полугодовалый кудрявый мальчик в новогоднюю ночь выполз из детской в гостиную, где чуть ли не весь высший свет Москвы собрался встретить 1800-й год. Пенилось шампанское, сверкали сотни свечей в огромных зеркалах, и от души смеялись гости над милой шалостью сына хозяев, предрекая ему в новом веке чинов и богатства.

Знают все, и как гувернёры учили маленького Александра французскому и прочим наукам, и как в Летний сад гулять его водили. И как из года в год, где бы ни жили Пушкины, собиралось у них весьма представительное общество.

Дядя будущего поэта Василий Львович был весьма популярен в литературных кругах, к нему тянулись, его стихи ходили в списках. Сергей Львович старался брату не уступать

и тоже писал, и его тоже слушали на званых вечерах. Собирались у Пушкиных и историки, и писатели, и военные – фамилия была известная, хотя и не самая богатая по Москве.

Назвать бедными столбовых дворян Пушкиных язык не повернётся. Маменька поэта имела от рода Ганнибалов подмосковное Захарово и земли в Псковской губернии, папенька – в Нижегородской. У папеньки 2000 душ в Болдине; даром, что титулом княжеским или графским обойден, а по числу крепостных мало кому из них уступит. Для сравнения: Екатерина II в своё время Потёмкина решила на всю жизнь озолотить, так 20 тысяч душ ему пожаловала. И тогда, заметьте, только мужицкого полу души считались, баб и девок в расчёт никто не брал. У отца будущего графа Аракчеева было всего 20 душ, в сто (!) раз меньше, чем у Сергея Львовича Пушкина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.